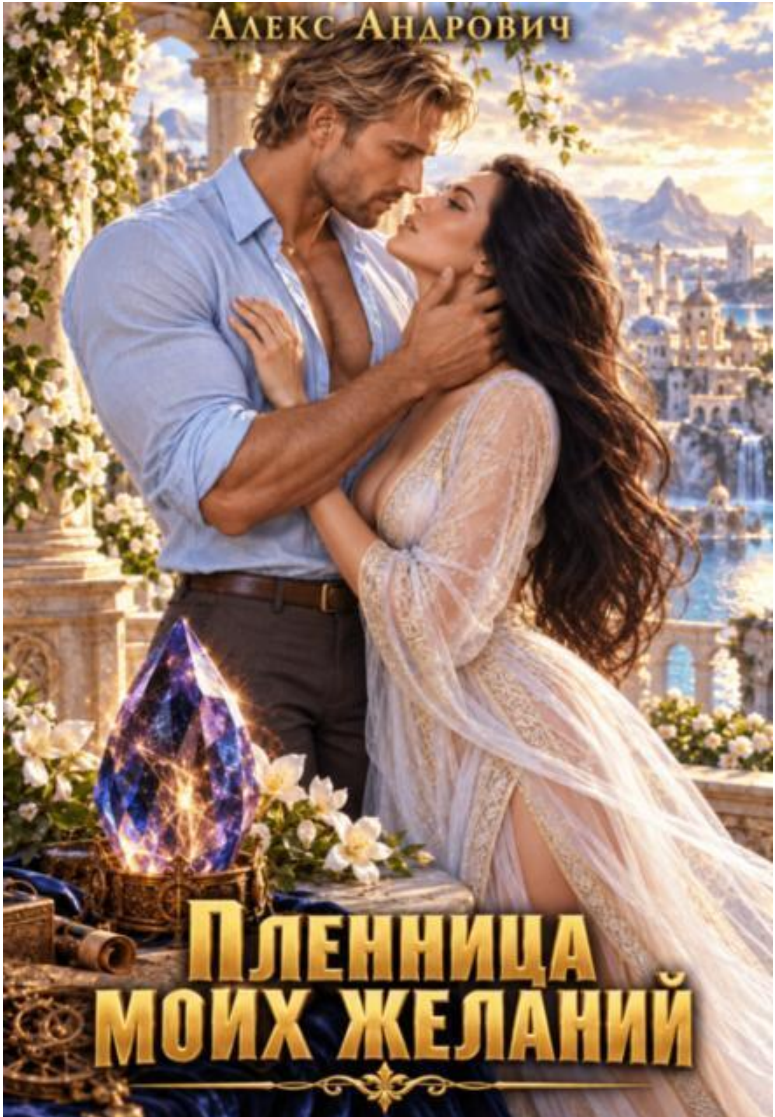

Алекс Андрович
Пленница моих желаний

Алекс Андрович
Пленница моих желаний

https://litres.ru/74713572

Аннотация

Она прекрасна до невозможности, язвительна, опасна и связана с древним проклятием. Она может исполнить любое желание, любую сокровенную фантазию, подарить то, о чём некоторые боятся даже мечтать. Но за всё нужно платить, а каждое желание всё сильнее напоминает не любовь, а власть.

Андрей пытается разгадать тысячелетнюю тайну чтобы спасти её, но для этого нужно увидеть её душу.

Любовь к пленнице становится выбором без выбора: оставить её рядом — значит сделать счастливым себя, но не её, освободить — значит потерять её навсегда.

«Если любовь держит на цепи, значит это не любовь. Даже если цепь красиво блестит».

Содержание

Глава 1. Кровь на осколке 4
Глава 2. Вещь, которой не должно быть 26
Глава 3. Антикварная лавка 49
Глава 4. Инструкция к чуду 72
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Глава 1. Кровь на осколке

Андрей сидел на полу перед нижним ящиком письменного стола и пытался понять, зачем вообще полез его разбирать почти в половине двенадцатого ночи.

Ответ был очевиден: потому что спать не хотелось.

Точнее, хотелось. Тело честно просило горизонтального положения, тишины и хотя бы шести часов милосердной бессознательности. Но разум, как обычно, включил ночной режим: перебирал ненужные разговоры, старые ошибки, счета, рабочие письма, забытые обещания и лица людей, которых давно следовало стереть из памяти.

Андрей терпеть не мог это состояние.

Поэтому выбрал старый проверенный метод: чем-нибудь занять руки, пока мысли окончательно не перегрызли друг друга.

Он уже выбросил три высохшие ручки, нашёл инструкцию от кофемолки, которой у него никогда не было, пачку визиток десятилетней давности, билет в музей древностей, несколько зарядных устройств и даже пилочку для ногтей — тонкую, розовую, совершенно чуждую в его аккуратном ящике.

Он потянулся глубже, туда, где пахло пыльной бумагой и старым мёртвым деревом, словно ящик хранил не канцелярию, а высохший лес, и зацепил пальцами что-то холодное

и тяжёлое.

— Ну-ка, — пробормотал он. — Что это у нас тут такое интересненькое?

Предмет выскользнул из-под старых бумаг и глухо стукнулся о паркет.

Андрей нахмурился. На полу лежал какой-то старый осколок смальты или нечто, похожее на кобальтовое стекло. Тёмно-синее, почти чёрное, с неровными краями, будто от разбитой бутылки дорогого вина или от витража, пережившего пожар. Но стоило взять его в руку, как первое объяснение рассыпалось. Для стекла осколок был необыкновенно тяжёлым, увесистым, будто внутри него в десятки раз сжали больше вещества, чем казалось на первый взгляд.

Осколок лежал в ладони холодно и неподвижно. В глубине его синевы угадывались крошечные серебристые блики — прожилки, похожие на молнии, застывшие в ночном небе. Андрей поднёс находку ближе к настольной лампе. Свет скользнул по граням и вдруг провалился внутрь — не отразился, не блеснул, а именно провалился, как монета в чёрную воду, словно осколок проглотил его.

— Красиво, — тихо сказал Андрей. — И подозрительно. Как и всё красивое.

Он повернул осколок боком, пытаясь рассмотреть, нет ли на поверхности царапин или каких-то знаков, и в следующую секунду острый край мягко, почти лениво, вошёл ему в палец.

Боль была короткой, резкой, как взмах скальпель по коже.

Андрей выругался не слишком громко, но достаточно искренне. Машинально потянулся облизнуть порез, но мельком взглянул на осколок и замер.

Капля крови упала на тёмную грань и должна была растечься, но что-то пошло не так.

Кровь собралась шариком, дрогнула — и исчезла внутри камня, будто тот втянул её через невидимые поры.

Андрей медленно убрал палец.

— Так, — сказал он после паузы. — А вот это интересно.

Осколок потеплел.

Сначала едва заметно, как чашка, в которую только что налили чай. Потом сильнее. Андрей почувствовал это кожей, подушечками пальцев. Тепло не обжигало; оно грело как-то неправильно: не снаружи, а будто изнутри, словно предмет грел не руку, а кровь.

Синева в глубине дрогнула. Серебристые прожилки налились густым тёмно-красным цветом.

Андрей несколько секунд смотрел на это так, как смотрят на сообщение из банка о списании денег, когда точно знаешь, что ничего не покупал.

Рациональная часть мозга немедленно предложила варианты: химическая реакция, оптический эффект, редкий минерал, усталость, микротравма, стресс, поздний час. Наконец, банальное: «Андрей, тебе тридцать пять, ты сидишь на полу и разговариваешь с камнем. Иди спать».

И всё было бы почти убедительно, если бы в кабинете вдруг не запахло жасмином. А потом — сандалом.

Запах возник так резко, словно кто-то распахнул дверь в парфюмерный магазин. Тёплый, пряный, чужой. Совершенно невозможный среди старых книг, пыли, дерева и мокрого вечернего города.

Андрей поднял голову.

— Отлично, — сказал он в пустоту. — Камень-вампир у меня уже есть, а значит, дома будет не так скучно.

Лампа на столе мигнула.

Один раз.

Второй.

На третий раз свет в комнате потускнел, будто сжался испуганным зверьком, и сразу погас.

Андрей не дёрнулся. Только крепче сжал осколок и машинально потёр костяшки большим пальцем. Сустав тихо хрустнул.

За окном шёл дождь. В полукруглом эркере стекло было чёрным и блестящим. На нём расплывались огни соседнего дома — жёлтые, мокрые, усталые.

И среди этих огней Андрей увидел женщину.

Сначала — как отражение.

Тонкий силуэт в темноте напротив окна. Длинные чёрные волосы. Бледные плечи. Лицо, повернутое к нему.

Андрей резко оглянулся.

Посреди кабинета действительно стояла женщина.

Не у двери, не возле окна, не за креслом. Там, где секунду назад было пусто.

Она была невысокой, тонкой, почти невесомой. Длинные прямые волосы падали до пояса чёрной блестящей рекой. Глаза — ярко-голубые, невозможные в этой темноте, — смотрели спокойно и внимательно. Казалось, её кожа светилась, но не от лампы — та уже не горела, — а от какого-то собственного, лунного свечения.

На ней было платье — или то, что Андрей в первый момент назвал платьем лишь потому, что разуму срочно требовалось знакомое слово. Ткань облегала её тело так, будто была соткана из дыма, воды и чьей-то слишком смелой фантазии.

Красота этой женщины была потрясающей, невообразимой. Не идеальной журнальной картинкой, не той, которой сначала удивляешься, а через пять минут привыкаешь и начинаешь замечать недостатки. Нет.

В ней было что-то восхитительно точное. Будто кто-то взял все мужские представления о красоте, от древних фресок до современных фильмов, собрал их в один образ и добавил ошибку — живые глаза. Слишком живые для призрака, слишком печальные для мечты.

Андрей медленно выдохнул.

— Так, — сказал он. — Значит, галлюцинация. Хорошо. Галлюцинация — это хотя бы медицински объяснимо.

Женщина чуть склонила голову.

— Ты звал меня, Андрей. И вот я здесь.

Голос у неё был нежный, тонкий, словно она не говорила, а убаюкивала. Но в самой интонации чувствовалась насмешка — не злая, а скорее уставшая. Как у человека, который видел один и тот же спектакль слишком много раз и заранее знает, на какой реплике зритель вскрикнет.

Андрей посмотрел на осколок в руке. Потом на неё. Потом снова на осколок.

— Звал? Вообще-то я просто порезался, а так обычно вызывают немного другого гостя. Как минимум, точно не красивую девушку.

— Язык крови — самый древний язык.

— А как на нём сказать: «Извините, вы ошиблись адресом»?

Её губы дрогнули.

Не улыбка. Намёк на улыбку.

Андрей поднялся с пола. Движение вышло спокойным, даже ленивым. Он хорошо умел держать лицо. На переговорах с людьми, которые врали ему в глаза; в кабинете директора; в ЗАГСе во время развода; перед врачом, когда тот говорил: «Вы просто переутомились».

Перед материализовавшейся ночью женщиной тоже, как выяснилось, можно было удержать лицо. Главное — не смотреть на неё слишком долго. Что он, конечно же, делал. И о чём уже успел пожалеть.

Она была не просто красивой. Она была олицетворени-

ем соблазна в человеческом облике. Не пошлой, не вызывающей — опасной именно потому, что казалась совершенно естественной. Её хотелось разглядывать, как огонь, как воду, как старинную статую, которую нельзя трогать, но очень хочется проверить, какой на ощупь её камень.

Андрей отвёл взгляд первым.

— Кто ты?

— Та, кого ты призвал.

— Я никого не призывал.

— Призвал.

— Слушай, у меня сегодня не запланировано спорить с... — он сделал паузу и посмотрел на неё внимательнее. — С кем именно я сейчас спорю?

— С тем, что теперь принадлежит тебе.

— Прекрасно. Очень конкретно. Очень информативный ответ.

Она медленно прошлась по кабинету. Паркет под её босыми ногами не скрипнул, и это Андрей заметил сразу.

Она остановилась у стены, где висела гитара, подняла к ней руку, но не коснулась. Пальцы замерли в воздухе, будто между ними и струнами было невидимое стекло.

— Ты давно не играл.

Андрей похолодел.

— Откуда ты знаешь?

— Вещи помнят прикосновения.

— Удобно. А люди помнят о границах личного простран-

ства.

Она обернулась. Голубые глаза мягко блеснули.

Андрей подошёл к выключателю и щёлкнул им. Свет не включился. Щёлкнул ещё раз — ничего.

— Разумеется, — сказал он. — Когда в доме появляется привидение, электричество обязательно пропадает. Законы жанра.

— Ты боишься.

— Нет, мне просто всё это не нравится.

— Люди часто путают одно с другим.

— А ты часто появляешься у незнакомых людей без приглашения?

— Всегда.

Он посмотрел на неё с ещё большим удивлением.

— Зато честно.

Она снова улыбнулась — чуть заметнее. И эта улыбка была слишком красивой, чтобы быть правдой. Слишком идеальной, выверенной, как ключ, подобранный к замку, который Андрей давно считал потерянным.

Он сжал осколок крепче, и тот отозвался теплом.

— Хорошо, — сказал он. — Допустим, я на время принимаю версию, что ты не галлюцинация. Допустим, это не сон, не инсульт, не угарный газ и не особенно изобретательный розыгрыш. Что тебе нужно?

— Мне? — она тихо рассмеялась. — Ничего.

— Вот в это я совсем не верю.

— Правильно делаешь.

— Продолжай, — мягко настоял Андрей.

— Нужды имеют свободные. У связанных есть лишь обязанности.

Она сказала это спокойно. Почти без эмоций, но Андрей услышал в этой фразе что-то лишнее. Тень. Царапину под лаком. Такую же тонкую, как порез на его пальце.

— Связанных, — повторил он.

— С осколком. Теперь и с тобой.

Он посмотрел на свою ладонь. Камень уже не был синим. Внутри него шевелился тёмно-кровавый свет. Не пульсировал — нет, это было бы слишком просто. Он словно дышал.

— И что это значит?

— Значит, я могу исполнить твоё желание.

Андрей промолчал и устало провёл ладонью по лицу.

— Конечно. Конечно, можешь. Это же так логично. Камень-вампир, девушка-призрак и исполнение желаний. Не хватает только ковра-самолёта и песни «Арабская ночь».

— Я не знаю эту песню.

— Не уверен, хорошо это или нет.

— Могу узнать, если пожелаешь.

— Нет, спасибо. Начнём с чего-нибудь попроще. Как тебя зовут?

Она не ответила.

В комнате всё так же пахло жасмином и сандалом. Дождь шуршал по стеклу. Где-то в коридоре наконец скрипнул пар-

кет — сам по себе, словно недовольный старик, которому мешают наслаждаться тишиной.

Женщина смотрела на Андрея внимательно, словно изучала. И только сейчас он понял: она тоже проверяет и оценивает его. Не как женщина мужчину, а как пленник оценивает нового тюремщика.

Эта мысль пришла внезапно и была неприятной. Андрей почти физически ощутил, как внутри что-то сопротивляется. Нет. Так нельзя. Это же абсурд. Она стоит посреди его кабинета, говорит об исполнении желаний, пахнет древним храмом и выглядит так, будто способна одним взглядом заставить кого угодно отписать душу дьяволу. Какая же она пленница?

— Имя потом, — сказала она наконец. — Сначала желание.

— Почему?

— Потому что так обычно бывает.

— Обычно?

— Мужчины редко начинают с имени.

Он усмехнулся.

— Похоже, тебе катастрофически не повезло с мужчинами.

— Мне много с чем не повезло.

Она произнесла это всё тем же мягким голосом. Но в этот раз Андрей не нашёлся, что ответить.

Он поставил осколок на стол и взял с полки старую чаш-

ку. Белую, с тонкой синей каймой. По боку у неё давно шла трещина, похожая на молнию. Андрей её почему-то не выбрасывал, хотя пить горячий чай из неё было уже нельзя.

— Хорошо, — сказал он. — Исполни желание. Сделай чашку целой.

Женщина посмотрела на чашку, затем на Андрея.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— «Нет» значит «нет».

— Ты только что сказала, что готова исполнить любое моё желание.

— Любую твою фантазию, но не изменить мир вокруг.

— А есть разница?

— Огромная.

— И в чём же?

Она подошла ближе. Теперь между ними было не больше двух шагов. Андрей уловил тепло её тела, её запах, и ему вдруг показалось, что воздух в кабинете стал плотнее.

— Я не джинн, Андрей.

Он напрягся.

— Кстати, я не называл тебе своё имя.

— Ты назвал его своей каплей крови.

Она коснулась пальцем края чашки — вернее, попыталась. Её палец прошёл сквозь фарфор, как сквозь дым. На секунду её образ дрогнул и Андрей увидел за ней комнату, стены, дверь в коридор.

— Я не могу склеить то, что разбито, — сказала она. — Не могу отменить время. Не могу вернуть мёртвых. Не могу создать золото из воздуха, дворец из пыли или приказать кому-то полюбить. Мы не в сказке. Мы в реальной жизни.

— Я, конечно, извиняюсь, — Андрей поднял брови, — но внезапное появление полупрозрачной женщины из окровавленного камня несколько снижает убедительность фразы о реальной жизни.

— Реальность шире, чем ты привык думать.

— Вот сейчас было обидно. Я довольно хорошо эрудирован во многих вопросах, иногда даже слишком.

— Но всё равно ищешь объяснение, которое позволит тебе не чувствовать страх.

Он хотел ответить шуткой — не получилось, потому что она была права.

Андрей повернулся к окну. В стекле отражался кабинет: стол, книжные шкафы, его собственная фигура — и женщина рядом. В отражении она была видна хуже, чем в комнате, будто стекло не знало, имеет ли право её показывать.

— Допустим, — сказал он медленно. — Ты не можешь изменить мир. Тогда что ты можешь?

— Стать тем, чем ты хочешь.

Он не повернулся, но услышал, как она сделала шаг ближе. На этот раз паркет тихо скрипнул.

Андрей резко оглянулся. Её ноги теперь касались пола. Настоящие. Осязаемые. Босые.

— Могу быть голосом, — продолжила она. — Тенью. Сном. Теплом. Телом. Утешением. Искушением. Ответом на одиночество. Всем, что ты способен представить.

Она говорила спокойно. Без стыда. Без кокетства. Слишком отстранённо.

Андрей почувствовал, как внутри вспыхивает желание — мгновенное, тёмное, горячее. Тело отреагировало быстрее, чем разум успел возмутиться. Он разозлился на себя. И на неё. И на осколок камня. И на этот дурацкий дождь, который продолжал стучать по металлическому карнизу.

— Удобный набор функций, — он попытался ответить сухо. — Есть что-то ещё?

Она смотрела на него без улыбки.

— Ты можешь приказать.

— И не подумаю.

— Все так говорят.

— Снова ты про свои неудачи в отношениях.

— Не неудачи. Это опыт.

Андрей прошёл к столу и включил настольную лампу ещё раз. Бесполезно. Тогда он взял телефон. Экран загорелся, показывая половину первого ночи и три рабочих уведомления, которые он с отвращением смахнул.

Он включил фонарик, и луч света упал на женщину.

Она не исчезла, только прищурилась, как живая.

— Отлично, — сказал Андрей. — Теперь камера.

Он навёл телефон — на экране была пустая комната. Ан-

дрей опустил его. Женщина стояла перед ним. Поднял снова — в кадре было пусто.

— Вот это уже не очень хорошо, — признал он.

— Какие ещё тебе нужны доказательства и зачем?

— Я привык не доверять тому, что вижу ночью после одиннадцати.

— Разумно.

— Спасибо. Я вообще стараюсь всегда в первую очередь думать головой.

Она тихо рассмеялась. Смех был красивый, но не радостный. Будто она вспомнила, как это делается, но не вспомнила зачем.

Андрей поймал себя на мысли, что хочет услышать этот смех ещё раз, но вовремя остановился.

— Ладно, — сказал он. — Если ты связана с этим осколком, почему я нашёл его в своём столе?

— Потому что он был здесь.

— Гениально. И не поспоришь.

— Я не знаю всего, что знаешь ты.

— А я не знаю, откуда он взялся.

— Значит, мы оба не знаем ответ на твой вопрос.

Она отвернулась и подошла к книжным шкафам. Провела взглядом по корешкам: история древних царств, медицина, биографии, романы, альбомы живописи, старые справочники. Рядом с ними аккуратно стояли подписанные папки, коробка с инструментами, несколько блокнотов и маленький

контейнер для витаминов.

— Ты любишь порядок, — сказала она.

— Мне нравится знать, где и что лежит.

— Нет. Тебе нравится думать, что ты контролируешь свой мир.

Андрей усмехнулся.

— Слушай, для ночного призрака ты слишком быстро переходишь к психологическому разбору моей личности.

— Люди не меняются. Даже через тысячи лет.

— Через тысячи?

Она замолчала. Сказала что-то лишнее? Андрей сразу это заметил.

— Сколько тебе лет?

— Больше, чем твоему дому.

— Моему дому сто двадцать с чем-то.— Значит, точно больше.

— Больше — это двести? Пятьсот? Тысяча?

— А это так важно?

— Нет, просто стало интересно.

Он устало сел на край стола и посмотрел на неё. Палец немного поднывал. Кровь уже запеклась, но кожа вокруг пореза была подозрительно бледной.

— Хорошо. Тогда давай начистоту. Что будет, если я выброшу камень?

— Он вернётся.

— Разобью?

— Сам об этом пожалеешь.

— Отдам кому-нибудь?

В её глазах мелькнули одновременно обида, злость, страх и ещё что-то недоброе.

— Тогда ты отдашь меня.

Андрей медленно кивнул.

— То есть я теперь владелец.

Она не ответила, но по её молчанию всё было понятно.

— Ненавижу это слово, — сказал он.

— Правда?

— Правда.

— Посмотрим.

Он хотел спросить, что это значит, но в этот момент сверху глухо стукнуло. Потом ещё раз. По перекрытиям прошёлся далёкий звук — то ли шаги соседей, то ли дом просто вспомнил сколько ему лет, и решил размять свои старые кости.

Женщина подняла голову, прислушалась.

— Этот дом шумит, как больной зверь.

— Такой у него характер.

— У домов всегда есть характер.

— А у камней?

Она посмотрела на осколок.

— У камней есть память.

Андрей тоже посмотрел на него.

На тёмно-кровавой поверхности медленно проступала

тонкая золотая линия. Она изгибалась, собиралась, как нить расплавленного металла. Пока ещё без формы, но уже не случайно.

— Что это?

— Это знак.

— Какой?

— Узнаешь, когда придёт время.

— Обожаю такие ответы. Прямо чувствуешь уважение к клиенту.

— Ты не клиент.

— А кто?

Она подошла к нему ближе. Теперь совсем близко.

Он мог бы коснуться её. Просто протянуть руку — и проверить, настоящая ли она. Тёплая ли. Живая ли. Существует ли вообще что-то за этой невозможной красотой.

Но он не протянул руку, потому что вдруг понял: она ждёт именно этого. Не хочет, а скорее привыкла к этому. Как человек, который заранее знает, что ему сейчас будет больно, но может только смотреть и ждать, когда эта боль закончится.

Андрей медленно убрал руки в карманы.

Женщина заметила это, и в её взгляде читалось искреннее удивление. Очень короткое. Почти человеческое.

— Я не понимаю, — сказал Андрей тише. — Ты предлагаешь исполнить желания, но не объясняешь правил. Говоришь, что мы связаны, но не говоришь как. Сама называешь

меня владельцем, но смотришь так, будто уже ненавидишь меня за это. Чего ты от меня хочешь на самом деле?

Она задумалась и сказала:

— Люди всегда хотят правды и объяснений, но когда получают — хотят, чтобы их забрали обратно.

— Я готов рискнуть.

— Нет. Сегодня — нет.

— Почему?

— Потому что сегодня ты ещё можешь убедить себя, что это сон.

Он усмехнулся.

— А завтра?

— Завтра будет уже труднее.

Свет в лампе вдруг вспыхнул. Яркий, жёлтый, обыденный.

Андрей моргнул и прищурился после полной темноты.

Комната вернулась: стол, бумаги, чашка с трещиной, книжные шкафы, гитара отца, дождь в окне. Но призрачная женщина стояла в этом обычном электрическом свете почти так же спокойно, как до этого стояла в темноте.

И только теперь Андрей заметил: она была немного нечёткой, словно дрожала. Совсем немного, как воздух над свечой.

— Ты уходишь?

— Да.

— Подожди.

Слово вырвалось быстрее, чем он успел его остановить, и

она посмотрела на него с тем самым старым, насмешливым знанием.

— Всё-таки сдался?

— Не льсти себе. Только ответь ещё на один вопрос.

— Конечно.

— Кто ты?

На этот раз она ответила сразу.

— Называй меня Ника.

— Это твоё имя?

— Теперь — да.

— А какое было раньше?

Выражение её лица изменилось, но не сильно: лишь взгляд стал холоднее, глубже. Будто где-то внутри голубых глаз открылась дверь в место, куда Андрей точно не хотел бы попасть без фонаря, карты и хорошей страховки.

— Спокойной ночи, Андрей.

— Стой, Ника.

Она грустно улыбнулась.

— Не приказывай, если не хочешь, чтобы это было исполнено.

И исчезла.

Не растворилась дымом. Не вспыхнула. Не рассыпалась искрами. Просто в какой-то миг была — и в следующий её не стало.

Воздух на месте, где она стояла, ещё несколько секунд хранил волшебный аромат жасмина и сандала.

Андрей остался сидеть на краю стола.

Дождь за окном продолжал моросить. Лампа горела ровно. Телефон показывал половину первого. Палец всё ещё болел. Осколок лежал на столешнице, снова тёмно-синий, но в глубине его мерцали слабые красные всполохи — тонкие, изящные, похожие на неизвестные символы или заточённое в стекле пламя.

Андрей взял чашку с трещиной. Она была на том же месте. Почему-то это его успокоило.

Если бы чашка стала целой, он, возможно, действительно начал бы паниковать.

Он поставил её обратно, прошёл в гостиную и остановился у камина.

Камин был тёмный, холодный, давно не помнивший огня. Аккуратно вычищенная мёртвая пасть. Когда-то Андрей любил смотреть на огонь. Мог часами сидеть перед ним, слушать потрескивание дров и чувствовать, как внутри становится тише.

Потом перестал.

Огонь слишком многое напоминал. Дом. Семью. Вечера, когда казалось, что рядом с тобой человек, которому можно доверять. Тепло, которое потом оказалось декорацией.

Андрей провёл ладонью по каминной полке. На пальцах осталась едва заметная пыль.

— Всё хорошо, — медленно сказал он вслух.

Фраза прозвучала так привычно, что уже почти не вызва-

ла отвращения.

Он вернулся в кабинет. Сел в кресло. Положил перед собой осколок. Открыл ноутбук и понял, что не знает, что писать в поисковой строке.

«Камень выпил кровь, появилась женщина»?

«Галлюцинации после пореза пальца»?

«Как вежливо прогнать древнего призрака из квартиры»?

Да уж, совсем не смешно.

Он взял телефон и всё-таки сделал фотографию осколка. На снимке тот выглядел обычным тёмным стеклом. Ни золотого знака, ни глубины, ни внутреннего света. Просто странный предмет на столе у человека, которому пора в отпуск или к психиатру.

Андрей откинулся на спинку кресла. Время тянулось вязко, словно засахаренный мёд.

Час. Два. Три.

Он не спал.

В какой-то момент ему показалось, что за дверью кабинета кто-то проходит босиком. Тихо. Почти неслышно. Затем в комнате снова проступил едва заметный аромат жасмина — такой слабый, будто память о нём задержалась в складках воздуха.

Андрей не включал музыку. Не открывал рабочую почту. Не пытался читать.

Он просто сидел и смотрел на осколок.

К четырём утра дождь стал сильнее. За окнами серело.

Петербургское летнее утро поднималось над городом не ярким светом, а мутной дождевой серостью: холодной, упрямой, бесконечной.

Андрей медленно поднял глаза.

За стеной гостиной молчал холодный камин.

На столе в кабинете лежал осколок.

Он больше не мог поверить, что это сон.

И ещё он точно знал: никому нельзя рассказывать. Ни коллегам, ни знакомым, ни Кире — той самой Кире, которая могла бы с ходу назвать десять цивилизаций, где люди любили странные камни и плохие решения.

Пока нельзя.

Сначала нужно понять, что именно он нашёл.

Осколок на столе едва заметно потеплел, будто услышал его мысли.

Глава 2. Вещь, которой не должно быть

Андрей так и просидел до серого рассвета: не спал, не искал объяснений, только ждал, что запах жасмина вернётся. Утро, разумеется, ясности не принесло.

Оно вообще редко что-то приносило в Петербурге, кроме пасмурного неба, влажного подоконника и ощущения, что ночь просто сменила вывеску.

Андрей стоял у камина с клочком бумаги в руке и пытался вспомнить, как именно этот осколок оказался в ящике его стола. Но память отозвалась не сразу — будто тоже не хотела иметь к происходящему никакого отношения.

Несколько недель назад, среди пыли, строительного мата и запаха мокрой штукатурки, он наконец переехал сюда после ремонта, который длился так долго, что Андрей успел трижды пожалеть о покупке квартиры и дважды всерьёз подумать: проще было бы купить небольшой остров, построить дом с нуля и договориться с чайками, чтобы по утрам приносили свежую рыбу.

Дореволюционный дом требовал уважения. И денег. Много денег. И время от времени преподносил строителям сюрпризы, которые после третьего раза начали заходить в квартиру с лицами археологов. Камин тогда как раз закончили

чистить.

Старую облицовку снимали аккуратно, слой за слоем, чтобы не повредить сохранившийся камень. Андрей стоял рядом с мастером, пил воду из бутылки и слушал, как тот ворчал:

— Тут, Андрей Сергеевич, не камин, а слоёный пирог. Кто-то в семидесятых замазал, кто-то в девяностых покрасил, кто-то потом решил, что гипсокартон — это вершина дизайна. Взять бы их...

— Не надо никого брать, — сказал Андрей. — Лучше сделай так, чтобы в следующий раз нас не включили в список криворуких сразу после любителей гипсокартона.

Мастер хмыкнул, полез в нишу фонариком и вдруг замолчал.

— Ух, ты! — вырвалось у него. Он вытащил из-за старой кладки узкую свинцовую капсулу.

Она была потемневшая, неровная, будто её не делали, а торопливо лепили из металла — словно кто-то очень боялся не успеть. На крышке не было ни герба, ни надписи: только вмятина, похожая на след удара.

— Заначка? — предположил мастер.

— С учётом возраста дома — либо заначка, либо проклятие, — ответил Андрей. — Ставлю на заначку. Проклятия в договоре купли-продажи не было.

Капсула открылась не сразу. Пришлось использовать тонкую отвёртку, нож и несколько слов, которые Андрей в обыч-

ной жизни старался не произносить при посторонних. Внутри лежал почти истлевший обрывок ткани — тёмный, рассыпающийся от одного взгляда; пожелтевшая бумага с какими-то странными знаками — не буквами даже, а чем-то похожим на рисунки или неумело переписанные иероглифы. И осколок. Тёмно-синий. Тяжёлый. Холодный. Тогда он показался Андрею просто интересным сувениром.

Он покрутил его в руках, решил, что это, вероятно, кусок советского кобальтового стекла или старого витража, зачем-то спрятанный бывшими жильцами. Бумагу положил в папку ко всем остальным ненужным бумагам, которые почему-то до сих пор не выбросил. Ткань завернул в салфетку и вместе с осколком бросил в ящик рабочего стола. Не из пренебрежения — просто в тот день нужно было подписать акт приёмки, проверить сантехнику, принять доставку мебели, поговорить с электриком, который уверял, что «всегда так делали», и доказать ему, что фраза «всегда так делали» не является техническим стандартом.

У Андрея была редкая способность: он умел разложить хаос по папкам. Вещи — по местам. Дела — по спискам. Людей — по степени риска. Собственные чувства — туда, где они лежат и не мешают.

Осколок тогда отправился в ящик — и про него благополучно забыли.

До вчерашней ночи.

Теперь, стоя у холодного камина, Андрей думал, что оско-

лок всё это время ждал его. Эта мысль была настолько невозможной, что он даже усмехнулся, но получилось неубедительно — усмешка быстро сошла с лица. Потому что странная женщина, появившаяся из пустоты, запах жасмина и кровь, втянувшаяся в тёмную грань кристалла, тоже до сих пор казались невозможными, но вчера стали реальными.

Он сложил бумаги обратно, но осколок в ящик не вернул. Некоторое время просто держал его на ладони. Утром он снова стал холодным и тёмно-синим. Почти обычным. Если не считать того, что Андрей теперь не мог смотреть на него как на обычный предмет — ведь обычно предметы не пили кровь, не призывали женщин из темноты и не следили за тобой невидимым взглядом.

Андрей положил осколок на кухонные весы. Триста семьдесят три грамма. Весы мигнули цифрами и выключились.

Нужно было попытаться прожить этот день — и Андрей отлично с этим справлялся. Иногда ему казалось, что это единственное, чему он по-настоящему научился за последние годы: вставать, когда не хочется; тренироваться, когда нет сил и желания даже стоять; говорить, когда внутри пусто; улыбаться, когда собеседник этого ждёт; отвечать «всё хорошо» так убедительно, что люди с радостью верили и больше не задавали вопросов.

Он включил чайник, достал контейнеры и начал готовить завтрак. Овсянка. Яйца. Творог. Ягоды. Вода из фильтра. Всё по привычной схеме. Всё по граммам. Он взвесил хло-

пья, отметил в приложении, посчитал белки, жиры, углеводы. Сверил дневную норму. Переложил курицу и овощи в контейнеры на работу. Отдельно — рис. Отдельно — салат. Соус в маленький герметичный контейнер, потому что если салат плавает в заправке с восьми утра до обеда, то в нём легко может зародиться новая цивилизация.

Андрей двигался машинально, точно, только иногда останавливался и щёлкал суставами на пальцах рук. Большой палец правой руки. Указательный. Средний. Тихие сухие щелчки звучали на кухне слишком громко.

Он посмотрел на порез. Кожа стянулась тонкой красной линией. Ничего особенного. Обычный порез. Если бы не лёгкое онемение вокруг него — будто палец всю ночь держали в ледяной воде.

— Всё хорошо, — сказал Андрей и тут же поморщился. Эта фраза была у него как пароль к пустоте. Он произносил её всегда, когда всё было как раз не хорошо. Когда Ирина сказала: «Нам надо поговорить». Когда он увидел переписку, которую не искал, но которая открылась сама — слишком яркая, слишком недвусмысленная. Когда она плакала на кухне и повторяла, что не хотела причинить боль. Когда Андрей кивал, помешивая варящийся в кастрюле рис, наливал себе воду, ставил стакан на стол и слышал, как внутри у него что-то сжимается и отрывается, словно кто-то заживо вырвал его ещё бьющееся сердце. Когда друзья пытались поддержать, но в их глазах читалось одно и то же: «Ты сильный. Ты спра-

вишься».

Но в этом и была проблема — он справился слишком хорошо. Настолько хорошо, что однажды понял: от него осталась аккуратная оболочка с рабочим календарём, абонементом в фитнес-зал и привычкой никому не доверять и забыть слово «счастье».

Первая любовь когда-то научила его, что доброту легко превратить в слабость и использовать ради выгоды. Урок Ирины был страшнее: можно прожить рядом с человеком больше половины сознательной жизни и всё равно не узнать, где заканчивается правда и начинается удобная для тебя версия. После этого Андрей перестал ждать от людей честности. Не сразу. Он не был циником по природе. В глубине души он всё ещё хотел верить, помогать, открываться, давать тот самый кредит доверия, который раньше выдавал всем почти автоматически. Но банк доверия сгорел вместе с архивом заявок, и новые кредиты больше не выдавались даже под идеальную улыбку.

Он закрыл контейнеры, убрал их в сумку, выпил стакан воды и посмотрел на осколок, лежавший на столе рядом с чашкой для кофе, который он не пил.

— Ты, — сказал Андрей, — сегодня остаёшься дома. Без прогулок, без крови, без женщин из воздуха. Понял?

Осколок молчал.

— Вот и поговорили.

На работу он, как всегда, приехал вовремя, даже немного

заранее. Ведь то, что твой внутренний мир похож на склад после пожара, ещё не повод опаздывать на утреннее совещание.

Офис встретил его холодным стеклом, турникетами, запахом кофе из автомата и лицами людей, которые ещё не успели окончательно проснуться, но уже начали изображать эффективность.

— Андрей Сергеевич, доброе утро, — сказала секретарь Елена и протянула папку. — У нас опять проблема в снабжении.

— Доброе, — ответил Андрей. — Фраза «проблема в снабжении» звучит как название плохого сериала. Какая это по счёту серия?

Лена улыбнулась.

К десяти утра он уже сидел в переговорной между двумя коллегами, которые говорили друг с другом так, будто пытались не решить проблему, а красиво оформить взаимное презрение. С одной стороны — Павел из закупок, человек с лицом вечного обвинительного заключения. С другой — Вадим из логистики, который умел из любой мелочи сделать катастрофу регионального масштаба.

— Мы предупреждали, — говорил Павел. — Письмо было отправлено в пятницу.

— В пятницу в восемнадцать сорок семь, — отрезал Вадим. — Это значит «в понедельник в восемь утра».

— Коллеги, — мягко сказал Андрей, — давайте обсудим

конструктивно, без эмоций.

Оба замолчали.

Андрей открыл файл, быстро просмотрел таблицу, сверил даты, поставки, подписи, пропущенное согласование. Проблема была неприятной, но решаемой. Как и практически любая проблема на работе. Люди почему-то очень любили усложнять то, что можно было разложить по пунктам и спокойно решить.

— Павел, вы правы, что письмо отправили. Но Вадим прав, что после шести вечера в пятницу письмо мог прочитать только тот, у кого вообще нет личной жизни. Но если бы вы оба в понедельник утром не устроили молчаливый протест имени партизанского движения, мы бы исправили это раньше.

— Я не устраивал протест, — буркнул Вадим.

— Конечно. Вы просто героически ничего не сказали. Разница тонкая, но юридически важная.

Елена за его спиной тихо фыркнула.

Андрей продолжил:

— Решение такое. Сегодня до четырёх подтверждаем альтернативного перевозчика. Павел, вы берёте на себя согласование цены. Вадим, вы корректируете график и лично звоните складу. Не пишете. Звоните. Голосом. Это древняя технология, это сложно, но это работает.

— А если склад не примет?

— Тогда я вмешаюсь — и он примет в два раза быстрее.

Через двадцать минут проблема была решена. Через сорок Андрей уже отвечал на другие письма. К обеду он успел поговорить с финансовым директором, успокоить производственников, отдать на подпись три претензии и разрешить ещё одну ситуацию, в которой виноваты были все понемногу, но каждый надеялся, что виноватым назначат другого.

Он был собран. Вежлив. Ироничен. Надёжен. Руководству это нравилось. С Андреем было удобно: он слушал, понимал, не повышал голос, находил решение любой задачи. Он создавал ощущение, что у него всегда всё под контролем. Даже когда под контролем не было ничего.

В два часа он достал контейнер, открыл заметки и внёс обед. Курица. Рис. Овощи. Вода. Он вспомнил Нику, её голубые глаза, фразу: «У связанных — обязанности». И снова хрустнул пальцами.

До конца рабочего дня он ни разу не открыл поисковик, но очень хотел. На работе он не занимался личными делами. Не потому, что был святым трудоголиком — просто границы, однажды проведённые, следовало соблюдать. Иначе можно было разрушить даже то, что осталось. Сначала поиск о мистических кристаллах на рабочем ноутбуке, потом бессонница, потом разговоры с призраками у кулера — и вот ты уже не начальник, а просто местный дурачок.

Вечером он заехал в зал. Тренировка помогала очистить голову от лишних мыслей и перезагрузиться. Железо всегда было честнее людей. Если штанга весила сто килограммов,

она не делала вид, что весит восемьдесят. Не обещала быть лёгкой. Не изменяла тебе с «просто другом». Не говорила потом: «Так получилось». Железо либо поднималось, либо нет. Без вариантов.

Андрей отработал программу почти идеально. Жим. Тяга. Присед. Кардио. Душ. Но даже физическая усталость не вытеснила из головы образ женщины, которая стояла посреди его кабинета и называла его своим владельцем.

Дома его, как всегда, встретила тишина. Дождь закончился. На мокром асфальте отражались фонари, и город за окнами выглядел умытым, но не очень довольным. Начало июня притворялось летом: в воздухе держался запах выхлопных газов, пыли и зелени, которую дождь хоть и прибил к земле, но не победил.

Андрей вошёл, разулся, поставил сумку на место, убрал контейнеры в мойку и только потом пошёл в кабинет. Осколок лежал там, где он его оставил. Рядом с ним — чашка с трещиной.

— Кто-нибудь дома? — сказал Андрей, включая свет. — Поговорим?

В комнате запахло цветущим жасмином. Андрей замер.

— Серьёзно? Так просто, даже без крови?

Аромат сандала появился следом — тёплый, сухой, пряный. В углу у книжного шкафа мягко дрогнул воздух. Ника возникла не сразу. Сначала — туманный силуэт, затем — линия плеча. И уже следом — волосы, глаза, лицо. Будто неви-

димый художник рисовал её в пространстве, чтобы показать появление максимально таинственно. Сегодня она выглядела плотнее, чем ночью. Менее призрачно, больше похожей на живую женщину. На ней было светлое платье — одновременно простое и неповторимое. Ткань казалась тонкой, но не слишком прозрачной; античной на вид и современной по откровенности. Босые ноги касались паркета.

— Снова будешь задавать вопросы, как на собеседовании? — спросила Ника.

— Это профессиональная деформация.

— И список подготовил?

— Естественно!

Андрей достал блокнот. Ника посмотрела на него так, будто за тысячелетия видела казни, войны, пожары, падение империй, но человек, заранее записывающий вопросы к приведению, всё-таки сумел её удивить.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Ночь была эмоциональная, но у нас осталось много вопросов, которые нужно обсудить.

— Не помню, чтобы я устраивалась к тебе на работу.

— Со вчерашнего дня принята. Только пока непонятно, в какой должности.

— Духовный фамильяр?

— Звучит как должность без зарплаты, на общественных началах.

Она улыбнулась. На этот раз почти по-настоящему.

Андрей сел за стол, открыл блокнот и щёлкнул ручкой.

— Итак, поехали по списку. Как ты появляешься и исчезаешь?

— По твоей команде.

— Это не ответ.

— Это ответ, который тебе не нравится.

— Ника.

Она чуть подняла бровь. Ему тоже было странно произносить это имя. Слишком короткое для неё. Слишком простое. Как домашнее прозвище для великого древнего создания.

— Я появляюсь, когда наша связь становится сильнее, — сказала она. — Кровь открыла путь к тебе, желание формирует облик, а энергия осколка даёт мне голос.

— То есть когда я тебя вызываю?

— Иногда.

— А вчера?

— Вчера ты открыл дверь.

— Порезав палец?

— Окропив кристалл кровью.

— Картошка — картофель. Смысл тот же. Ненавижу, когда звучит красиво, но практической пользы — как от зонта в гробнице.

— Ты привык, что мир обязан быть удобным для понимания.

— Нет. Я привык, что если что-то может убить, обмануть или разрушить жизнь, лучше понять это до того, как оно нач-

нёт действовать.

Ника внимательно посмотрела на него.

— Кто-то причинил тебе сильную боль?

Андрей поставил ручку на бумагу. Пауза вышла слишком заметной.

— Вопрос второй, — сказал он. — Ты наблюдаешь за мной, когда я тебя не вижу?

— Иногда.

— Прекрасно. Что значит «иногда»?

— Когда ты рядом с осколком. Когда думаешь обо мне. Когда зовёшь, даже если молчишь.

— А когда я моюсь в ванной?

Ника моргнула. Андрей продолжал смотреть серьёзно.

— Что?

— Это очень важный вопрос. — добавил он.

— Раньше люди не были такими странными.

— Люди всегда были странными, просто теперь у них дома есть душ и туалет.

Она рассмеялась — и это было так неожиданно, так по-настоящему, что Андрей на секунду забыл, зачем держит ручку.

— Нет, — сказала она. — Я не стою у тебя за спиной каждую минуту. Даже если и могу, я не стремлюсь видеть всё.

— Почему?

— Потому что чужая жизнь утомляет. Особенно если в ней слишком много контейнеров.

Андрей прищурился.

— Так. Значит, контейнеры ты видела.

— Ты очень сосредоточенно перекладывал еду.

— Это называется дисциплина.

— Это называется попытка заглушить внутренний голос, аккуратно раскладывая курицу и рис.

Андрей не нашёл, что ответить.

— Вопрос третий, — сказал он после паузы. — Ты всегда такая?

— Какая?

— Невыносимо точная.

— Нет. Иногда я бываю невыносимо красивая.

— Это было дальше по списку.

— Значит, идём на опережение.

Он всё-таки улыбнулся. Ненадолго. Затем снова стал серьёзным.

— Ты можешь уйти?

Ника тоже перестала улыбаться. Свет в комнате не изменился. Дождя не было. Вечер за окном стоял тёплый, с золотистыми фонарями и мокрым блеском канала где-то между домов. Но в кабинете вдруг стало холоднее.

— Что значит — уйти? — спросила она.

— Покинуть квартиру. Осколок. Меня. Разорвать связь. Называй как хочешь.

— Я не уйду.

— Значит, не можешь?

Она подошла к окну и остановилась в эркере. Вечерний свет струился по её волосам, но не задерживался в них, будто их чёрный цвет был глубже света.

— Я там, где осколок, — сказала Ника. — А осколок там, где ты.

Андрей медленно положил ручку.

— Это не ответ на вопрос.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

— Как ты попала в осколок?

Она не обернулась.

— Следующий вопрос.

— Ника.

— Следующий.

В её голосе не было игривости или кокетства. Только холодная сталь. Андрей узнал эту интонацию. Так говорят люди, которые стоят у двери в комнату с болью и не собираются никого туда пускать. Он сам говорил так много лет, поэтому не стал давить.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда границы.

— Границы? — Ника всё же повернулась.

— Да. Правила сосуществования. Ты не появляешься внезапно в спальне, ванной, душе и других местах, где появление мистической женщины может привести к травмам — психологическим или бытовым.

— Бытовым?

— Если я уроню фен в раковину, это будет бытовая тра-

гедия с мистическим оттенком.

— Я не понимаю половину твоих слов, но они звучат по-доброму.

— Это главное. Второе: не трогай мои вещи без разрешения.

— Я не всегда могу их трогать.

— Тем более не трогай, даже «не всегда». Третье: не читай мысли.

— Я не читаю мысли.

— А как тогда ты...

— Люди думают громче, чем им кажется.

— Звучит как чтение мыслей, но так, чтобы не признаваться в этом.

— Нет. Я чувствую сильные эмоции. Страх. Желание. Боль. Призыв. Иногда — воспоминания, если они сами выходят на поверхность.

Андрей отвёл взгляд.

— Мои воспоминания не выходят.

— Выходят.

— Уверен, что нет.

— Когда ты говоришь «всё хорошо», они стоят за твоей спиной.

Он пристально посмотрел на неё. В комнате стало тихо. Ника не отступила, но выражение её лица изменилось. Будто она поняла, что коснулась не просто синяка — открытого перелома.

— Не надо, — сказал Андрей.

Всего два слова. Спокойно. Ровно. Без угрозы. Но Ника его услышала.

— Хорошо, — сказала она.

И это «хорошо» почему-то ощущалось понятнее, чем все её объяснения.

Андрей снова щёлкнул ручкой.

— И четвёртое. Не использовать... — он запнулся, подбирая слово, — свои способности на мне без моего согласия.

— Ты боишься, что я заставлю тебя хотеть?

Он усмехнулся без веселья.

— С этим я и сам прекрасно справляюсь.

— Тогда чего ты боишься?

Он посмотрел на неё. Ответ был простым: того, что рядом с ней «хотеть» станет чаще, чем слышать; того, что фантазия окажется важнее живого человека; того, что однажды он попросит, а она не сможет отказать. И тогда он уже не сможет считать себя хорошим человеком, даже если формально никого не ударит, не заставит и ничего не сломает.

— Власти, — сказал Андрей, — она всегда проверяет на прочность того, у кого она есть.

— Ты говоришь так, будто власть — это плохо.

— Иногда — да.

— А если я скажу, что ты можешь приказать мне всё, что захочешь?

— Тогда я скажу, что это отвратительная формулировка.

— Но это правда.

— От этого не легче.

Ника медленно подошла к столу и встала напротив него. Между ними лежал осколок — тёмный, спокойный, как закрытый глаз.

— Просто скажи — и я подчинюсь, — повторила она.

Андрей почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось.

— Перестань это говорить.

— Почему?

— Потому что я так сказал.

— Ты говоришь как хозяин, но очень странный.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Не называй меня так.

— Почему?

— Потому что у живого человека не должно быть хозяина.

— Но я не живой человек.

— Я в этом не уверен.

Она улыбнулась. Коротко. Почти благодарно, хотя Андрей ничего особенного не сказал.

— Ты не знаешь, что я такое.

— Согласен. Поэтому пока будем считать, что передо мной личность, а не функция.

Ника замерла, будто эта простая фраза — «личность, а не функция» — оказалась для неё чем-то особенным. Непривычным. Даже подозрительным.

— А потом?

— Что потом?

— Потом все всё равно хотят одного и того же.

Андрей сразу понял, о чём она. Он был взрослым мужчиной, не монахом, не деревянной статуей и не персонажем нравоучительной сказки. Ника была невероятно красива. Восхитительна. Так, что взгляд сам возвращался к линии её шеи, к волосам, к губам, к движению тонких пальцев. Он это видел. Он этого хотел. И именно поэтому сам себе не доверял.

— Возможно, — сказал он. — Но между «хотеть» и «брать» есть огромная разница.

Она посмотрела на него немного надменно, почти осуждающе.

— Ты не устал быть хорошим?

Это был правильный вопрос. Андрей медленно выдохнул.

— Знаешь, я устал быть удобным.

Ника ничего не ответила.

За окном проехала машина, её фары на секунду скользнули по потолку. Старый паркет в коридоре тихо скрипнул, хотя там никого не было.

Андрей встал.

— Думаю, хватит на сегодня вопросов.

— Ты закончил собеседование?

— Первый этап. Мы вам перезвоним.

— Я буду ждать у осколка, — сказала она с лёгкой на-

смешкой.

— Вот этого как раз хотелось бы избежать.

Он взял осколок со стола. Ника проследила за движением его руки. В её лице что-то изменилось, но Андрей не понял, что: страх? Раздражение?

— Что ты делаешь?

— Убираю.

— Зачем?

— Потому что вещь, которая вызывает призраков и пьёт кровь, не должна лежать рядом с чайной кружкой.

— Логично.

— Да, это мы обо мне уже выяснили.

Он вышел из кабинета, прошёл по коридору в спальню и открыл встроенный сейф в нижней секции шкафа. Сейф был небольшой, тяжёлый, с кодовым замком. Там лежали документы на квартиру, старый жёсткий диск, немного денег на экстренный случай, ключи и несколько вещей, которые Андрей не хотел видеть каждый день, но не мог выбросить. Например, старое обручальное кольцо. Он не носил его давно. Не любил смотреть на него. Но выбросить не смог. Почему — не объяснял даже себе.

Андрей положил осколок в дальний угол сейфа. Ника появилась в дверях спальни. Он обернулся.

— Я просил не появляться внезапно.

— Ты не запретил.

— Ника.

— Хорошо, — сказала она. — В следующий раз предупрежу.

— Спасибо.

— Если захочу.

Он строго посмотрел на неё. Она улыбнулась.

— Можешь приказать, — ехидно добавила Ника.

Андрей продолжал смотреть ей в глаза.

— Ты специально?

— Что?

— Провоцируешь меня.

— Постоянно.

— Зачем?

Ника посмотрела на сейф.

— Пока не знаю.

Он закрыл дверцу, повернул ручку, набрал код. Механизм щёлкнул с приятной надёжностью. Металл. Замок. Цифры. Порядок. Осколок кристалла в надёжном месте — значит, ситуация хотя бы частично под контролем. Андрей знал, что это самообман. Но иногда самообман был полезным инструментом, если не злоупотреблять.

Он повернулся к Нике.

— Можешь идти. Мне нужно поспать.

— Тебе нравится командовать?

— Не очень, но приходится. На просьбы мало кто реагирует.

— А если я снова появлюсь ночью?

— Я буду ругаться.

— О, на это будет интересно посмотреть.

Андрей неожиданно рассмеялся. Коротко, тихо, но по-настоящему. Он сам удивился этому звуку. Ника тоже. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и в комнате почему-то стало не так холодно. Потом она исчезла.

Запах жасмина оставался ещё какое-то время. Андрей стоял у сейфа и смотрел на место, где только что была женщина, в которую он не до конца верил, но уже почему-то не мог воспринимать как галлюцинацию.

Он принял душ, переоделся, проверил входную дверь, выключил свет в квартире. Спальня встретила его аккуратностью, от которой иногда становилось тошно. Заправленная кровать. Пустая тумбочка. Шкаф без лишних вещей. Комната, где никто не оставлял книгу лицом вниз, чашку с недопитым чаем, волосы на подушке, смех в воздухе. В общем, комната была больше похожа на комнату человека, который сделал всё, чтобы она не выглядела жилой.

Андрей лёг, закрыл глаза и попытался уснуть. Не получилось. В темноте всё становилось громче: трубы, дождь, редкие машины, далёкие шаги соседей, собственное дыхание. Он повернулся на бок. Потом на спину. Потом снова на бок.

— Всё хорошо, — прошептал он в темноту и сам понял, что это ложь.

Из глубины квартиры донёсся тихий скрип паркета. Раз. Пауза. Второй. Словно кто-то босиком прошёл по коридору.

Андрей открыл глаза. Темнота была плотной, но не полной: сквозь шторы просачивался тусклый свет ночного города. Контуры мебели казались чужими. Всё вокруг было неподвижным.

В спальне пахло жасмином. Но он не пытался звать её. Не стал проверять сейф. Просто лежал до утра и слушал, как за стеной старый дом делает вид, что ничего не знает. К рассвету решение созрело само: если осколок хранит тайну, надо идти к тому, кто умеет разговаривать с мёртвыми вещами.

Глава 3. Антикварная лавка

Антикварная лавка Захара Ивановича находилась в подвале дома на тихой улице, где даже машины проезжали так, будто боялись потревожить чужие тайны.

Снаружи это место выглядело совсем непрезентабельно: низкая дверь под облупленной аркой. Узкое окно почти на уровне тротуара. Вывеска без подсветки: «Антиквариат. Книги. Реставрация. Оценка». Буква «ц» в слове «оценка» была чуть кривой, словно её прибивали в состоянии философского несогласия с миром.

Дождь с утра снова перешёл в режим «я не дождь, я настроение». Воротник куртки уже отсырел, волосы слегка завились от влажности, а город вокруг выглядел как старая фотография, на которую кто-то пролил стакан воды.

Андрей сунул руку в карман и нащупал маленькую металлическую коробку.

Внутри лежал осколок кристалла.

Он долго думал, брать ли его с собой. Потом решил, что идти к антиквару без предмета — всё равно что прийти к врачу без симптомов и сказать: «Доктор, у меня иногда что-то странное, угадайте сами».

Сейф, как выяснилось ночью, имел скорее психологическое значение.

Металл не мешал цепям.

Эта фраза весь день ходила за ним следом.

Андрей спустился по мокрым ступеням и толкнул дверь. Над головой звякнул колокольчик.

Внутри было тесно. Не просто тесно — даже воздуху, казалось, не хватало места. Полки поднимались до потолка, кренились под тяжестью бронзовых статуэток, старинных лампад, масок, шкатулок, ключей, книг с потрескавшимися корешками, медных чаш, подсвечников, фарфоровых собак, деревянных идолов и предметов, назначение которых Андрей не рискнул бы определять без страхового полиса.

В углу стоял маленький столик с кофейной туркой. Рядом — пепельница, хотя курить в помещении явно было нельзя. Запах кофе смешивался с табаком, пылью, металлом и чем-то сухим, древним, будто тут хранили не вещи, а медленно высыхающее время.

— Закрыто, — сказал чей-то голос из глубины лавки.

— На двери написано «открыто».

— Не всё написанное правда.

Из-за стеллажа с масками появился человек лет шестидесяти: высокий, сухой, седой, в старом тёмном жилете поверх рубашки с закатанными рукавами. Лицо у него было острое, взгляд цепкий. Такой взгляд не рассматривал — взвешивал.

Андрей сразу понял: это Захар Иванович. Такие люди редко представляются. Они просто существуют в нужном месте, а ты уже сам должен догадаться.

— Андрей Сергеевич? — спросил старик.

Андрей чуть приподнял бровь.

— Надеюсь, это не часть мистического сервиса.

— Перед тем как дать вам мой номер, меня предупредили, что у вас есть вопрос.

— Удобный бизнес-подход.

— Молодой человек, я продаю антиквариат уже очень давно и все окна до сих пор целые.

Захар Иванович указал на узкий проход между витринами.

— Проходите. Только ничего не задевайте. В этой лавке некоторые предметы стоят больше, чем кажутся, а некоторые — меньше, чем требуют.

— Это забавно.

— Реалистично.

Андрей прошёл за ним к столу. Сел на деревянный стул, который скрипнул так трагично, будто давно ждал зрителя. Захар Иванович налил себе кофе из маленькой турки, Андрею не предложил, только поставил перед ним пустое блюдце.

— Показывайте, — сказал он.

Андрей достал металлическую коробку. Захар Иванович не шевельнулся, но взгляд у него изменился, буквально на секунду.

До этого он смотрел как антиквар. Теперь — как человек, который услышал в соседней комнате шаги того, кого похоронил много лет назад.

— Откройте сами, — сказал он.

— Почему?

— Потому что я не трогаю чужие беды голыми руками.

Андрей медленно открыл коробку. Осколок лежал внутри на сложенной белой салфетке. При дневном свете лавки он выглядел темнее, чем дома. Почти чёрным. Но в глубине, если смотреть под углом, жила синяя холодная искра.

Захар Иванович долго молчал.

Потом открыл нижний ящик стола, достал тонкие перчатки из серой ткани и только после этого осторожно взял осколок двумя пальцами. Не как драгоценность, скорее как ядовитое насекомое.

— Где вы это нашли?

— У себя дома.

— Поразительно. А точнее?

— Сначала — за камином. Несколько недель назад. В свинцовой капсуле. Потом я бросил его в ящик.

Захар посмотрел на него так, будто Андрей только что признался, что хранил гранату в коробке с печеньем.

— Бросили?

— На тот момент он ещё не познакомил меня с женщиной из воздуха.

Рука Захара едва заметно дрогнула.

— Уже?

Андрей замолчал.

В лавке стало тихо. Только где-то в углу тикали часы —

невидимые, раздражающе уверенные в себе.

— Что значит «уже»? — спросил Андрей.

Захар Иванович положил осколок обратно на салфетку, не снимая перчаток. Потом медленно сел напротив.

— Вы порезались?

— Да.

— Кровь попала на камень?

— Она не попала. Она... — Андрей поискал слово и не нашёл приличного. — Он её втянул.

— Значит, теперь вы связаны.

— Чем связаны?

Старик усмехнулся без радости.

— Вы думаете, вещь принадлежит вам? Нет, Андрей. Иногда это мы принадлежим вещам.

— Звучит красиво, но совершенно бесполезно.

— Практическая польза в том, что вы ещё живы и можете задавать вопросы.

— Согласен, это приятно. Хотелось бы, чтобы так было и дальше.

Захар Иванович снял очки, протёр их уголком платка, снова надел. Движения у него были неторопливые, но не старческие. Скорее театральные. Он давал собеседнику время испугаться.

Андрей это понял и решил не доставлять удовольствия.

— Захар Иванович, — сказал он спокойно, — я не охотник за привидениями. Последние сутки у меня были насы-

щенные. Камень пил кровь. Призрак появился в квартире. Электрика моргала. Сейф оказался бесполезен в философском смысле. Я пришёл сюда не за атмосферой. Мне нужна информация.

Захар посмотрел на него с интересом.

— Однажды, очень давно, я уже видел этот камень. Тот человек так же, как и вы сначала просил информацию.

— А потом?

— Потом стал просить совет.

— И что вы ему посоветовали?

— Не хранить это дома.

Андрей медленно выдохнул.

— Он послушал?

— Хороший вопрос, учитывая, что вы нашли его в своей квартире.

Снаружи по стеклу подвального окна потекли мутные дорожки дождя. Чьи-то ноги прошли мимо, видно было только подошвы и край плаща. Мир наверху жил нормально, не зная, что под ним двое мужчин обсуждают волшебный кусок стекла, к которому, возможно, привязана неупокоенная душа.

Несправедливость обычной жизни иногда раздражала.

— А что вы знаете про этот осколок? — спросил Андрей.

Захар Иванович некоторое время молчал. Потом встал, прошёл к стеллажу, снял с верхней полки плоскую коробку и поставил её на стол.

— Ничего не знаю.

— Прекрасно. Спасибо, вы очень помогли.

— Я знаю легенды. Это другое.

— Легенды обычно появляются там, где люди не смогли нормально всё записать.

— Или там, где нормальные записи лучше сжечь.

Он открыл коробку. Внутри лежали фотографии, копии старых писем, несколько листов с заметками, газетные вырезки и распечатка снимка какого-то пергамента.

— Есть легенда, — начал Захар, — о женщине, которая служит камню.

Андрей не перебивал.

— В разных местах её называли по-разному. Где-то — духом дома. Где-то — наложницей кристалла. Где-то — душой без гробницы. В одной арабской записи я встречал выражение «та, что приходит по крови». В европейских источниках позднее — «синяя вдова». Очень глупое название, но люди вообще любят портить древнее красивыми ярлыками.

— Женщина, — повторил Андрей.

— Да. Женщина. Душа. Образ. Энергетическая субстанция. Проклятие. Выбирайте слово по вкусу, они все будут ошибкой.

— Она сказала, что её имя Ника.

Захар Иванович поднял глаза.

— Сама?

— Да.

— Вы уверены?

— В том смысле, в каком можно быть уверенным после ночного разговора с привидением, — да.

— Хм.

— Что «хм»?

— Призраки не должны называть своё имя.

— Она сказала: «Называй меня Ника».

— Значит, это не имя.

Андрей напрягся.

— А что?

— Обращение, которое вы готовы принять.

— Вы знаете её настоящее имя?

Захар не ответил сразу. Взял один из листов, подвинул к себе лампу, включил её. Жёлтый свет упал на фотографию старого пергамента.

— Я знаю, как выглядели знаки, рядом с которыми в одном пергаменте описывали нечто подобное.

Он повернул фотографию к Андрею.

Пергамент был тёмный, рваный по краям. Текст на нём шёл неровными строками, часть символов расплылась, часть была почти стёрта. Но два знака в середине снимка кто-то выделил позднее — тонким красным контуром.

Андрей наклонился ближе.

Иероглифы были странно простыми и в то же время цепляющими. Один напоминал вытянутый сосуд или силуэт, второй — что-то вроде полукруга с линией и маленьким зна-

ком рядом. Андрей не разбирался достаточно хорошо, чтобы прочесть, но запомнил форму сразу.

Как будто уже видел их, но не помнил где.

В глубине памяти шевельнулось ночное мерцание золотого знака на осколке.

— Что тут написано? — спросил он.

— Описание фрагментарное. «Женщина, связанная с сиянием». «Та, чьё прикосновение крадёт тепло». «Та, что служит владельцу до разрушения сосуда». Перевод весьма условный, на самом деле здесь может быть что-то совсем иное, даже рецепт праздничного хлеба.

— Крадёт тепло?

Захар внимательно посмотрел на него.

— Она касалась вас?

— Нет.

— Хорошо.

— Почему?

— Потому что в легендах её тело не совсем тело. Чтобы стать осязаемой, она берёт жизнь из того, кто связан с камнем.

Андрей вспомнил, как Ника на секунду стала плотнее. Как паркет скрипнул под её босыми ногами.

— И как много жизни она берёт?

— Думаю, зависит от длительности прикосновений.

— А поточнее?

— Думаю, будет излишним произносить за вас очевидное.

— Очевидное обычно звучит неприятно.

— Поэтому люди так любят туманные обороты.

Андрей откинулся на спинку стула. Внутри стало холодно. Не физически. Глубже.

Вчера Ника стояла так близко, что он мог коснуться её, но не сделал этого. Даже не из благородства, скорее из осторожности, из страха, инстинкта самосохранения.

Теперь оказалось, что это решение было правильным.

— Она опасна? — спросил он.

— Да.

Ответ прозвучал слишком быстро. Андрей поднял глаза.

— Для меня?

— Для любого, кто забудет, что у всего в мире есть своя цена.

— Она не выглядит чудовищем.

— Самые опасные твари часто выглядят безобидно.

— Она попала в кристалл против воли?

Захар Иванович замолчал, но это молчание было другим. Не уклончивым — тяжёлым.

— Судя по тому, что удалось найти, — сказал он наконец, — она и жертва, и ловушка. Нельзя отделить одно от другого. Кристалл давал владельцу желание, утешение, власть над одиночеством, а взамен забирал тепло. Силы. Годы. Иногда разум. Иногда душу.

— Вот с душой — это уже перебор.

— Вы пришли ко мне с камнем, который выпил вашу

кровь.

— Но она ничего плохого сделать не пыталась.

— Не относитесь к ней как к женщине, Андрей.

Андрей сжал пальцы.

— А как тогда?

— Как к огню. Красиво, тепло, приятно смотреть. Но если забыть, что он жжёт, виноват будет не огонь.

Почему-то эта фраза его разозлила.

— Удобно, — сказал Андрей. — Назвать её огнём, вещью, ловушкой, чем угодно, только не женщиной.

Захар пристально посмотрел на него.

— Вы уже защищаете её.

— Я защищаю свои принципы.

— Принципы не краснеют.

— Я тоже не краснею.

Захар снова подвинул фотографию пергамента.

— Запомните эти знаки. Но не произносите вслух то, что узнаете. И не спрашивайте у неё напрямую, если не готовы услышать ответ.

— Вы всё ещё не сказали, что они значат.

— Скажу, когда пойму, что вы готовы поступить разумно и не причините себе вред.

— Поздно.

— Нет. Вы же ещё можете шутить.

Андрей посмотрел на иероглифы. Они будто впивались во взгляд.

Захар Иванович сложил фотографии обратно в коробку.

— Можете оставить осколок на хранение в этой коробке.

— Ну уж нет.

Ответ прозвучал мгновенно, даже сам Андрей удивился. Но только не Захар Иванович.

— Вот видите, — сказал он. — Она уже вас держит.

— Я не могу оставить свою вещь, у незнакомого человека, который говорит загадками, как сумасшедший шляпник, пьёт почти холодный кофе из турки и курит в подвале, где даже просто дышать тяжело.

— Справедливо. Но немного обидно.

— Кроме того, если осколок действительно опасен, я не стану перекладывать это на кого-то другого.

— Благородство — частая форма гордыни.

— А загадочность — частая форма хамства.

Захар впервые улыбнулся. По-настоящему. Сухо, но почти тепло.

— Позволю себе отметить, вы очень неприятный собеседник

— Взаимно рад знакомству. — Андрей встал. — И спасибо за информацию.

— Я не сказал практически ничего конкретного.

— Зато сделали это максимально тревожно.

— Андрей.

Он остановился у двери.

— Не зовите её без необходимости. Не просите стать на-

стоящей. Не отдавайте приказы, даже в шутку. Особенно в шутку. Древние кристаллы не понимают юмора.

— А она?

— Она понимает больше, чем вам понравится.

Андрей кивнул.

— И ещё, — добавил Захар.

— Да?

Старик посмотрел на металлическую коробку в его руке.

— Если однажды она попросит вас произнести какие-то слова — не спешите. В таких историях свобода всегда обходится дороже, чем кажется.

Андрей попрощался и вышел за дверь, но слова Захара Ивановича не остались в подвале: они шли за ним, словно преследуя.

Улицы вечернего города встретили его мокрым ветром, запахом асфальта и чужими зонтами, которые вечно пытаются попасть спицами в лицо. Андрей поднял воротник, быстрым шагом дошёл до машины и сел внутрь.

Некоторое время просто сидел, держа коробку на коленях.

«Женщина, связанная с сиянием».

«Та, чьё прикосновение крадёт тепло».

«Служит владельцу до разрушения сосуда».

И два иероглифа.

Он закрыл глаза и увидел их снова. Точно. Чётко. Будто они не были напечатаны на копии старой фотографии, а вы-

жжены где-то у него внутри.

— Ника, — тихо сказал он и почувствовал приятный аромат жасмина.

Андрей открыл глаза. На пассажирском сиденье никого не было.

— Так, — сказал он. — Значит, даже имя лучше пока не произносить. Отлично. У меня дома теперь женщина, которую нельзя звать, осколок кристалла, который нельзя трогать, и антиквар, который не может объяснить по-человечески. День определённо удался.

Он завёл машину и уехал.

Дом встретил его обычной парадной: мраморными ступенями с потемневшими краями, латунными перилами, запахом сырой штукатурки и старого дерева. Внизу кто-то оставил мокрый зонт в ведре, и вода с него капала, словно в китайской пытке.

Андрей только поднялся на второй пролёт, как снизу раздалось:

— Андрей Сергеевич!

Он замер.

Марта Павловна стояла на площадке первого этажа, опираясь на трость. Маленькая, сухая, с идеально уложенными седыми волосами и яркой помадой такого оттенка, который мог бы остановить движение на Невском. На плечах у неё был шёлковый платок, на лице — выражение человека, который не просто знает всё, но готов милостиво поделиться

частью.

— Добрый вечер, Марта Павловна, — сказал Андрей. — Вы сегодня как всегда великолепны. Этот цвет губ официально признан оружием массового восхищения?

— Не подлизывайтесь, молодой человек. Я актриса, я слышу фальшь даже через перекрытия.

— Значит, я попался.

— Вы? Возможно.

Она поднялась на одну ступеньку выше и прищурилась.

— У вас, Андрей Сергеевич, опять ночью женщина по коридору ходила. Судя по голосу — красивая, но судя по звуку шагов — босая. Непорядок. Хотя, может, шаги я уже додумала: у старого дома богатая фантазия.

Андрей медленно моргнул.

— Опять?

— Не цепляйтесь к словам. Я художественно их усиливаю.

— А как вы определили красоту по голосу?

— Опыт, милый мой. В театре этому учат. Некрасивые женщины тоже могут иметь красивый голос, но красивые знают, как им пользоваться.

— Сильное наблюдение. — Андрей почувствовал себя школьником, которого поймали с сигаретой за углом. Но лицо удержал.

— Может быть, это телевизор?

— У меня идеальный слух. И с тех пор как вы переехали в вашей квартире ни разу не включался телевизор.

— Вы только за мной подслушиваете?

Марта Павловна ткнула тростью в ступеньку.

— Я не подслушиваю. Я культурно контролирую акустику дома.

— Да, без вас дом давно бы утратил моральные ориентиры.

— Вот именно. А вы, между прочим, холостой мужчина в расцвете лет. Если женщина ходит ночью босиком, надо предложить ей тапочки. Петербург — город сырой, того и гляди что-нибудь застудит.

Андрей кашлянул, чтобы не рассмеяться слишком явно.

— Я учту.

— И ещё. Если это роман — я одобряю. Если это секта — я против. Если это театр — зовите меня, я ещё могу сыграть роковую вдову.

— Марта Павловна, если я устрою дома театр, вы точно будете первой в списке приглашённых.

— Вот за это вы мне и нравитесь. Врёте, но так вежливо.

Марта Павловна удалилась вниз, постукивая тростью и оставляя после себя лёгкий запах духов, пудры и старого театрального гардероба.

Андрей поднялся к себе, но возле двери остановился. В квартире было тихо.

Он вошёл, закрыл дверь, снял обувь и некоторое время стоял в прихожей, прислушиваясь.

Ничего.

Ни шагов. Ни голоса. Ни жасмина. Только далёкий шум дождя и глухой скрип старого дома.

— Я дома, — сказал Андрей и тут же почувствовал себя идиотом.

Никто не ответил.

Он прошёл в кабинет, поставил металлическую коробку на стол и достал осколок.

Золотой знак снова был виден. Слабее, чем ночью, но теперь Андрей смотрел на него иначе.

Он достал блокнот, открыл чистую страницу и попытался по памяти нарисовать два иероглифа с фотографии Захара. Рука двигалась осторожно. Первый знак получился криво. Второй — точнее.

Воздух похолодел. Андрей не поднял головы.

— Я знаю, что ты здесь.

— Ты ходил к старику.

Голос прозвучал у окна. Ника стояла в эркере, на фоне мокрого стекла и расплывчатых городских огней. Сегодня её волосы казались почти чёрнее комнаты, а глаза — холоднее обычного.

Она была зла. Не эффектно. Не капризно. Тихо.

Андрей положил ручку.

— Ходил.

— Зачем?

— Хотел узнать, что за вещь пьёт мою кровь и приглашает в квартиру женщин без предварительной записи.

— Ты мог спросить меня.

— Спрашивал. Но ты ответила в стиле «ты ещё не готов, смертный».

— Я не говорила «смертный».

— Но интонация это подразумевала.

Она подошла к столу. Взгляд упал на блокнот. На два нарисованных знака.

Ника замерла. Её лицо стало совсем неподвижным.

Андрей впервые увидел, как красота может закрыться, словно дверь.

— Кто показал тебе это?

— Захар Иванович.

— Старики любят перебирать чужой пепел.

— Зато иногда находят в нём полезные сведения.

— Тебе никто не разрешал.

— Искать правду о том, что происходит в моей жизни?

— Обо мне.

— Ты сама о себе ничего не рассказываешь.

— Значит, на это есть причина.

— Даже не сомневаюсь. Но твоя причина не даёт тебе право скрывать от меня то, от чего зависит моя жизнь.

Она резко подняла глаза.

— Темнота иногда милосерднее света.

— Это красивая фраза. Я почти записал бы её, если бы не подозревал, что она должна заставить меня замолчать.

— Ты слишком много спрашиваешь.

— А ты слишком мало отвечаешь.

— Потому что правда всегда меняет людей.

— Поверь, меня уже изменила женщина, которая появилась из ниоткуда прямо посреди моего кабинета. Поздно переживать о стабильности моей психики.

Ника отвернулась.

В комнате запах жасмина стал резче. Сандал — суше, более горьким.

Андрей заметил: когда она злилась, аромат вокруг неё менялся. Становился не мягким, а почти обжигающим, как тёплый воздух над углями.

— Что он сказал? — спросила она.

— Достаточно.

— Что именно?

— Что ты связана с осколком. Что можешь исполнять желания. Что твоё прикосновение крадёт жизненную силу, или тепло. Что по легенде у тебя скорее всего другое имя.

— Легенды, — тихо сказала Ника. — Мужчины всегда превращают женскую боль в красивую легенду. Так её легче слушать.

Андрей немного успокоился.

— Тогда расскажи мне правду.

Она посмотрела на него.

— Зачем?

— Чтобы я узнал тебя настоящую, а не слушал чужое мнение.

Эта фраза будто попала туда, куда он не целился. Ника отвела взгляд первой.

— Мужчины всегда искали имя, чтобы легче было владеть.

— А если я ищу имя, чтобы не называть тебя «явление номер один»?

Она моргнула. Но следом, вопреки злости, на её губах дрогнула улыбка.

— «Явление номер один»?

— Рабочее название. Был ещё вариант «призрак, который любит ехидничать», но он длиннее.

Ника почти рассмеялась, но вовремя удержалась. Снова стала серьёзной.

— Не ищи моё имя, Андрей.

— Почему?

— Потому что имя — это ключ.

— К чему?

— Ко мне.

Тишина после этих слов стала совсем осязаемой. Андрей медленно закрыл блокнот.

— Ты боишься, что узнав твоё имя я стану использовать тебя для чего-то плохого?

— Ты и так можешь.

— Но я не хочу.

— Сегодня.

— Ника, пойми. И сегодня, и завтра, и через год.

— Как ты можешь обещать что-то и быть уверен в себе, если у тебя ещё не было шанса проверить.

Он встал из-за стола.

— Послушай. Я не знаю, кем ты была, не знаю, что с тобой сделали. Не знаю, сколько раз кто-то, владевший этим осколком, использовал тебя, твою красоту или твои способности. Но я знаю одно: я не стану очередным мужчиной в твоём списке, который берёт просто потому, что может.

Она очень долго смотрела на него долго, а затем тихо и грустно добавила:

— Ты не первый так говоришь, но со временем одиночество становится громче совести.

Андрей не ответил, потому что фраза была пугающе точной. Одиночество действительно умело становиться громче. Оно не кричало — оно капало, как вода за стеной. День за днём, ночь за ночью. Сначала ты не замечаешь. Потом привыкаешь. Потом вдруг понимаешь, что внутри всё отсырело, и если кто-то предложит тепло, даже опасное, даже неправильное, рука сама потянется.

Ника, кажется, увидела это понимание на его лице и её злость стала тише.

— Старик сказал тебе, что я опасна? — спросила она.

— Да.

— Он прав.

— Для меня?

— Для всех.

— А для себя?

Она отвернулась к окну. За стеклом вечер переходил в ночь. Дождь рисовал тонкие линии на стекле. Внизу, во дворе, фонарь освещал мокрые листья, и они блестели так, будто город украсили чужими слезами.

— Для себя я давно не опасна, — сказала Ника. — От меня уже ничего не осталось.

Андрей подошёл ближе, но остановился на расстоянии. Не потому, что боялся её прикосновения.

Хотя боялся.

А потому, что впервые почувствовал: она сейчас не соблазняет, не защищается насмешкой, не проверяет его границы. Она просто стоит у окна, и в её неподвижности есть такая усталость, какую невозможно сыграть даже за тысячу лет практики.

— Ника, — сказал он тише. — Что означают эти знаки?

Она закрыла глаза. На миг её лицо стало другим. Не менее красивым — нет. Но живее. Больнее. Будто идеальная маска не выдержала и под ней показалась женщина, которой когда-то было страшно, холодно и одиноко.

— Давай об этом не сегодня.

— Почему?

— Потому что хочется оставить ответы на потом и просто наслаждаться моментом.

— Согласен. Думаю, на сегодня и правда хватит вопросов.

И после этой фразы Ника не исчезла, не растворилась, не

ушла в пустоту или осколок. Она всё также молча стояла в эркере, босая, тонкая, невозможно прекрасная, и слушала, как дождь стучит по карнизу.

Андрей сел в кресло у стола, но блокнот больше не открыл.

Он смотрел на неё и впервые думал не о том, какая она красивая, а о том, как долго должна страдать душа, чтобы даже красота стала для неё тюрьмой.

Глава 4. Инструкция к чуду

Утро началось неправильно.

Во-первых, Андрей проснулся раньше будильника — без привычной тяжести в голове, но с ощущением, будто всю ночь кто-то сидел рядом и смотрел, как он спит. Во-вторых, в квартире снова пахло ж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.